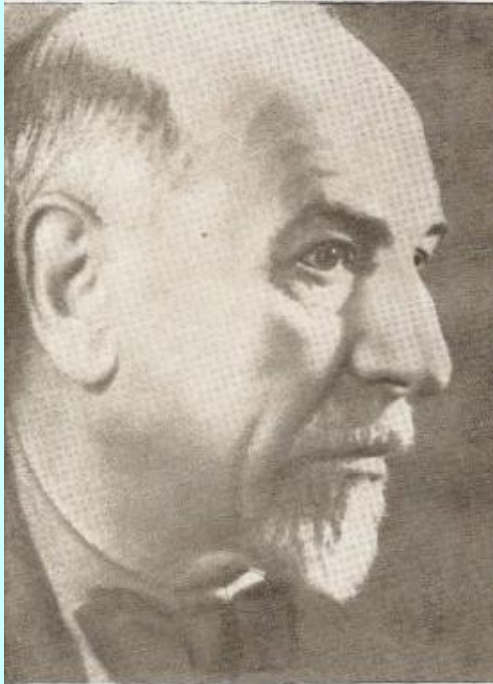

Исцеляющий театр

Одни говорят, что дело театра развлекать, другие, что он должен учить и воспитывать. Но театр способен еще и исцелять. Причем как актеров, так и публику. Под театром мы понимаем не только тот, для входа в который необходимо иметь билет, но и тот, который выдающийся русский драматург, режиссер и теоретик театра Н. Н. Евреинов (1879--1953) называл "театром для себя". Это - игра, т. е. намеренное подчинение правилам. И происходит она не на сцене, а в жизни. В ней каждый сам режиссер, актер и зритель.

Luigi Pirandello

Il dramma è in noi; siamo noi; e siamo impazienti di rappresentarlo, così come dentro ci urge la passione!

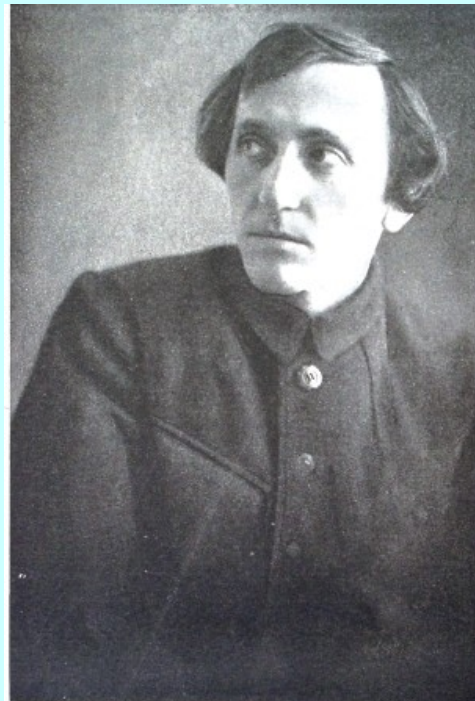
Luigi Pirandello

Драма заключена в нас; мы сами -- драма, и мы сгораем от нетерпения представить ее так, как нам подсказывают бушующие в нас страсти!

Луиджи Пиранделло

Все остальное, что я не в силах принять за свою драму, я сочту за зрелище чужой драмы, пускай красивое, пускай забавное или смешное, но только за "зрелище", а не за драму.

Николай Евреинов

Внушение, игра, ритуал

В американской тюрьме Синг-Синг в штате Нью-Йорк во время казни не сработал электрический стул. Приговоренный преступник, однако, умер в назначенный момент - отказало сердце.

Человек оказался запертым в рефрижераторе, замерз и умер. Между тем,

холодильный аппарат не был включен.

"Вам нечего беспокоиться из-за вашего сердца, -- сказал профессор боязливой пациентке. -- Раньше меня вы не умрете. Так что давайте, умрем одновременно". На следующий день врач внезапно скончался. Узнав об этом, больная пришла в смятение и объявила, что теперь должна умереть и она. Пульс у нее участился до 120 ударов в минуту, началась аритмия. Она умерла на следующий день после кончины врача.

Тяжело больной пациент, уловивший в разговоре медиков слово "moribundus" ("умирающий"), не знал латыни и решил, что это слово означает нечто обнадеживающее. К удивлению врачей он выздоровел. У аборигенов Африки и Австралии не раз умирали молодые и здоровые люди, которые считали себя околдованными или нарушили определенные табу.

Множество подобных случаев описано в книгах по психотерапии и гипнозу. Объясняются они внушением.

Займствованное из латыни, слово плацебо, означающее "я понравлюсь", вошло в медицинскую практику 200 лет назад. В чем же состоит плацебоэффект? Да в том, что человек может выздороветь, выпив стакан чистой воды, если будет думать, что в ней растворено чудодейственное лекарство. Объясняют плацебоэффект опять-таки внушением: воздействуя на психику, можно довести человека до смерти или избавить его от болезни.

Гомеопатия всегда была объектом критики со стороны ученых. Чтобы проверить обоснованность гомеопатического лечения, в 1843 был проведен научный эксперимент. Больным давали препараты точь-в-точь как те, действие которых хотели проверить: те же величина, цвет и вкус. Но содержали они только физиологически нейтральные вещества, так что пациенту от подобных "лекарств" ни хуже, ни лучше стать не могло. Во всяком случае, не должно было. Результаты эксперимента были неожиданными: 30% испытуемых, реагировало так, как будто им давали настоящее лекарство, у 40% - реакция была непостоянной и только на 30% мнимые препараты не оказывали никакого действия.

В начале XIX века один из пионеров применения внушения в медицине португальский аббат Фария (1756--1819) пришел к выводу, что центральное место во внушении занимает воображение не врача, а больного. Больной не покорился смерти, но ему было необходимо подтверждение своей вере в излечение, которую он нашел в слове "moribundus". Мог бы найти в других словах или жестах. А если бы не услышал и не увидел ничего подходящего, возможно, ему показалось бы, что он слышал слова, в которых нельзя не заметить верный знак скорого выздоровления.

Больной - не беспомощная жертва, сознанием которой можно свободно манипулировать. Он проецирует на врача свои желания и ожидания.

Зачем? Только барону Мюнхгаузену под силу вытащить себя из болота, потянув за собственные волосы. Обычному человеку требуются точка опоры и чья-то поддержка, которую часто принимают за внушение. Крупнейший психиатр Эрвин Штраус (1891--1975) видел в гипнозе и внушении передачу содержания одного сознания в другое путем образования "мы".

Два человека становятся участниками одной игры, одну и ту же драму могут назвать "своей". Мать прижимает к себе ребенка, и тот успокаивается, но если его прижмет к себе чужой человек, ребенок заплачет. Для того чтобы чужие люди стали "своими", необходим специальный сигнал. Психотерапевт, актер, политик и гадалка используют разные методы подачи такого сигнала и создания у человека нужной им психологической установки. Человек идет в театр, на митинг, к врачу и при этом оказывается втянутым в выполнении определенного ритуала, неотъемлемой частью которого является воздействие на психику. Часто именно за ним он и идет, не отдавая себе в этом отчет. О последствиях он обычно не думает. Иногда такое вовлечение в "театральное" действие помогает освободиться от психических и физических недугов, иногда приводит к депрессии или язве желудка.

Психическое и физическое

Первую физиологическую модель возникновения эмоций разработал знаменитый французский физик, математик и философ Рене Декарт (1596--1650). По Декарту мозг, получая сигнал, заставляет человека или животное реагировать на него автоматически. Он считал, что организм подобен машине, в которой дыхание и кровообращение совершаются по законам механики. Однако существует принципиальная разница между человеком и животными. Люди, спасаясь бегством, испытывают страх. Неправильно говорить, что человек убегает от волка, потому что боится, правильно сказать: боится, потому что убегает. Человек счастлив, потому что улыбается. Печален, потому что плачет. Раздражен, потому что хмурится. Так получается по гипотезе, которую высказали в 1884--1885 годах американский психолог Вильям Джеймс и датский врач Карл Ланге. Они вернулись к идее Декарта.

Если Декарт настойчиво отгораживал физическое от психического, немецкий химик и врач Георг Эрнест Шталь (1660--1734), профессор теоретической медицины, анатомии и химии в университете города Галле, а затем лейб-медик прусского короля Фридриха Вильгельма I, утверждал, что физическое неотделимо от психического. Это был первый ученый, серьезно заговоривший о том, что телесные болезни могут быть вызваны психическими расстройствами.

Выдающийся химик Шталь считал, что знание химии и физики не так важно для врача, как умение влиять на эмоциональное состояние

пациента. Более того, он утверждал, что чрезмерное увлечение химией и физикой только мешает, потому что отвлекает от главного, и никакая химия не объяснит, почему сильные переживания приводят к телесным болезням.

Два человека: врач и больной должны образовать единое "мы" -- так учил в XX веке Э. Штраус. Тот врач, который способен искренне сочувствовать больному, поможет ему скорее, чем тот, кто научился искусно анализировать причины недомоганий -- утверждал в XVII веке Г. Шталь. Этот мрачный, желчный, замкнутый ипохондрик, которого не понимали современники, триста лет назад сказал то, что стало ясным только в XX веке...

Игры истериков

Понятие "невроз" было введено в медицину в 1769 году последователем Георга Шталя шотландским врачом Уильямом Калленом (1710--1790), считавшим, что почти все болезни - "от нервов". Теорию Каллена быстро забыли, а слово "неврозы" осталось в медицине, как название группы распространенных нервно-психических расстройств, вызванных психологическими факторами.

Истерия -- невроз, известный с древнейших времен. Интерес к ней понятен. Она очень распространена. По-гречески *hystera* -- матка. Гиппократ был уверен, что истерия возникает, когда у больной женщины матка перемещается внутри тела. Симптомы этой болезни отличались необычайным разнообразием и, что уж было совершенно непонятно, встречались, хотя и гораздо реже, чем у женщин, у мужчин. Прошло много веков, прежде чем врачи убедились, что истерия никак с маткой не связана.

Истерику бывает не только у психически больных, но и у вполне здоровых людей. В плаче и жалобах всегда есть элемент истерики. Истерическая личность стремится показать всем свои страдания и свое бессилие. Делается это театрально. Иногда с большим мастерством и очень убедительно. Каждое заламывание рук, каждый вздох, каждое всхлипывание предназначены для того, чтобы привлечь внимание и сочувствие.

Истерику трудно пережить недостаток внимания к себе. Он крайне чувствителен к тому, что важное дело обходится без его участия, чувствует себя ущемленным оттого, что его куда-то не позвали, с ним не посоветовались или пренебрегли его рекомендациями.

Истерик стремится, чтобы "его драма" стала своей и для других людей. Ради этого он может вызвать у себя симптомы заболевания: некоторые -- рвоту, другие -- временную слепоту или ухудшение зрения. Таким образом, физические недуги становятся частью игры истерики. Иногда вовлечение больного в другую игру ведет к его выздоровлению.

Психотерапия по Парацельсу

Тут должен сам больной себе помочь.

Шекспир "Макбет"

В истории мировой науки найдется немного таких колоритных фигур как Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм (1493--1541), крупнейший врач и естествоиспытатель Средневековья, известный под именем Парацельс. Он получил в Вероне титул доктора медицины, однако утверждал, что основные свои познания приобрел не на университетских лекциях, а от невежественных знахарок.

Однажды на площади в Базеле, в Иванов день, когда студенты жгли, как было принято в те времена, костры, Парацельс привел в ужас научный мир тем, что отправил в огонь сочинения Галена и самую знаменитую и уважаемую медицинскую книгу "Канон врачебной науки" Авиценны. Грандиозное шоу означало: со всеми старыми медицинскими теориями покончено раз и навсегда. Они стали обузой, от которой пора освободиться.

У истерика Парацельса театральность была в крови: он привлекал к себе интерес публики необычным поведением. Он не признавал латыни, преподавал на родном немецком языке и свои трактаты писал по-немецки. Он отвергал признанные авторитеты, но не был все отрицающим бунтарем-нигилистом и, по крайней мере, внешне, оставался ревностным католиком. Он вел себя вызывающее с профессорами, но проявлял заботу о своих пациентах, говорил, что возможности врача растут при сердечном обращении с больным и что самое сильное лекарство -- любовь.

Парацельс был величайшим ученым, но порой вел себя, как авантюрист и шарлатан. Никто не может толком сказать, что именно им сделано, однако известно, что почти за четыреста лет до того, как Зигмунд Фрейд шокировал медицинский мир своими заявлениями о сексуальной основе истерии, Парацельс уже высказывал подобные утверждения.

Еще любопытнее некоторые рассуждения Парацельса в книге о психических расстройствах, написанной в 1526 году, но опубликованной только спустя двадцать лет после его смерти. В этой книге по поводу пляски святого Витта у детей он писал, что причины болезни в том, что полученные ребенком впечатления от слышанного и виденного бессознательно действуют на его фантазию и вызывают необычное поведение.

Имея дело с заболеваниями, вызванными, как он считал, воспаленным воображением, Парацельс предлагал больному вылепить свое изображение из воска или другого подходящего материала, а затем мысленно перенести на него свои прегрешения и сжечь. Многим становилось легче от этой странной процедуры. Каким образом достигался терапевтический эффект?

Парацельс вовсе не вовлекал пациентов в занятия самоанализом. Истерику и без того это свойственно: он приписывает себе поступки, которых не совершал, и верит в собственную ложь. И на свое восковое изображение истерик может переносить то, что рисует его больное воображение, но это не способствует и не препятствует выздоровлению. Способ лечения, которым пользовался Парацельс, основан не на самоанализе, а на вовлечении в игру пациента, которого Парацельс из зрителя превращал в активного участника драмы. Но мысль о том, что игра и театр могут лечить, была не нова - она родилась за много веков до великого целителя.

Хлеба и зрелищ

Все люди делятся на тех, кто вечно голоден и занят поисками куска хлеба, и на тех, кто изнывает от скуки. К такому выводу уже давно пришли многие философы. Жители Древнего Рима требовали от своих императоров хлеба и зрелищ. Зрелища они предпочитали кровавые и ужасающие. Такие, которые надолго запоминаются.

У древних греков вкусы были мягче. Они обходились без гладиаторов и убийств, совершаемых у них на глазах. Им вполне хватало изображения страстей. Но только, если они были достаточно впечатляющи. Эдип убил своего отца, женился на своей матери, а затем ослепил себя. Медея разрубила на куски своего брата. Федра полюбила своего пасынка Ипполита и покончила с собой из-за того, что ее любовь оказалась неразделенной. Страсти кипели во всю.

Великий Платон считал, что проявления дурного начала в человеке изобразить намного легче, чем хорошего. Зло скорее находит отклик в потревоженных сердцах зрителей. Именно такие зрелища имеют наибольший успех. Но у зрителя, по мнению Платона, такое представление вызывает раскрепощение его собственных потаенных дурных желаний. Дурное питается наблюдением дурного. Человеку вообще свойственно подражать, он особенно внушаем, если перед ним такие яркие образы, как Эдип, Медея, Федра, Клитемнестра.

Ученик Платона Аристотель пришел к противоположному выводу. Он утверждал, что, душа человека, наблюдающего за пагубными страстями, ощущает сострадание и страх и освобождается от дурных эмоций. Наступает катарсис - очищение. Возможно, впрочем, что Аристотель вовсе и не собирался вступать в спор с Платоном. Просто его неправильно поняли. Состраданием и страхом очищаются не зрители, а герои трагедий. Немудрено, что в этой проблеме трудно разобраться до сегодняшнего дня. До нас дошла только первая часть "Поэтики" Аристотеля, в которой катарсису посвящены всего несколько слов, а само учение о катарсисе развито в утраченной второй части этого сочинения. Но то, что уже нельзя

узнать из сочинений знаменитого грека, было с лихвой восполнено в последующие века множеством толкователей, которые во всех деталях рассмотрели вопрос об очищении зрителей через наблюдение страданий героев театрального представления.

Сейчас трудно сказать, насколько духовно очищались зрители в древнегреческих театрах, но известно, что античные врачи использовали вовлечение больного в театральное действие для лечения различных соматических заболеваний.

Театр Франца Антона Месмера

В 34 года доктор медицины Ф. А. Месмер (1734--1815) женился на богатой вдове, которая была старше его на десять лет. Высокий, красивый, обходительный он получил доступ в высшее венское общество и имел в нем успех, однако быстро растратил доставшееся ему состояние на празднества, которые устраивал с замечательной изобретательностью (между прочим, в театре Месмера в 1768 г. состоялась премьера зингшпиля двенадцатилетнего Моцарта "Бастьен и Бастьена"). После этого Месмер сосредоточился на медицине, но и здесь он остался самим собой -- человеком, умевшим превратить жизнь в красочный спектакль. Он сгорал от желания помочь человечеству, но так, чтобы оно оценило его заслуги. Во времена Месмера чрезвычайно велик был интерес к магнетизму и электричеству. Человек с характером Месмера не мог оставаться в стороне. В январе 1775 г. Месмер сообщил о своем открытии: магнитными свойствами обладает не только железо, но также бумага, хлеб, шерсть, шелк, кожа, камни, стекло, вода, многие металлы, дерево. Когда намагниченное тело приближается к больному, оно вызывает в суставах, шее, руках и голове удары, подобные электрическим, и тем самым избавляет пациента от болезни.

Месмер вдохнул новую жизнь в туманную теорию, которой увлекался еще Парацельс. По этой теории, человек заболевает, если действующий в организме каждого человека флюид распределен неравномерно. Лечение основано на передаче пациентам дополнительных флюидов и восстановлении гармонии в больном организме. В феврале 1778 г. Месмер снял большой дом в Париже с множеством салонов и кабинетов, парком и бассейном. Говорят, что театр начинается с вешалки, театр Месмера начинался с улицы. Перед его домом швейцарские гвардейцы в великолепных мундирах регулировали уличное движение.

Число желающих испытать на себе новые методы постоянно возрастало. Тот, кто обладал туго набитым кошельком, мог за большие деньги сам приобщиться к теории и практике "животного магнетизма". Однако большинство парижан не стремилось лечить других. Им достаточно было испробовать чудодейственный метод на себе.

Весь Париж хотел побывать доктора, творившего чудеса. Вскоре Месмер

уже не мог заниматься каждым пациентом отдельно. Поэтому ему пришлось разработать сложный и тщательно соблюдавшийся ритуал коллективного лечения. В дубовый чан, заполненный металлическими опилками и толченым стеклом, помещались бутылки с намагниченной водой. Из отверстий в крышке чана, торчали железные прутья, соединенные друг с другом проволокой. Посетители становились в цепочки, в которых каждый больной большим и указательным пальцем держал большой палец своего соседа. Кроме того, пациенты касались друг друга коленями и бедрами.

Верно ли было утверждение Месмера о том, что флюиды текли по живым цепочкам больных, никто проверить не мог, но все видели: у больных что-то вызывает конвульсии. Пациенты вели себя по-разному. Одни застывали, словно окаменев. Другие опускались на пол и засыпали. Некоторые нервно смеялись, зевали, бились в судорогах, бросались друг на друга или на стены и их приходилось успокаивать. Кого-то приводили в чувство на месте, кого-то относили на мягкие диваны в соседние комнаты. Многие, когда приходили в себя, чувствовали, что болезнь отступила. Для того чтобы бедняки тоже могли избавиться от недугов, Месмер намагнетизировал дерево на бульваре, и оно помогло исцелить немало больных. Об этом говорил весь город. За пять лет Месмер намагнетизировал 8 тысяч человек. Затем интерес к нему пропал. Всеобщее восхищение сменилось недоброжелательством и насмешками. В 1784 г. Людовик XVI учредил две комиссии, состоявшие из самых выдающихся ученых Франции, для изучения животного магнетизма. Обе комиссии пришли к выводу, что никакого флюида не существует и метод Месмера опасен для здоровья. Лишь один из членов комиссий осмелился отказаться поставить свою подпись под отзывом. Это был директор Парижского ботанического сада Антуан Лоран де Жюсьё (1748--1836), считавший, что не следует с ходу отвергать месмеризм. Надо отделить в нем главное и ценное от побочного и незначительного. Ведь Месмер нередко помогал больным.

Месмер не случайно имел успех в предреволюционной Франции. В Париже он оказался как нельзя более кстати. Парижане жили в тревоге, в предчувствии событий, которые должны были сломать все общественные нормы и устои. Никто не мог с уверенностью сказать, что готовит ему грядущий день.

Страх и непонимание, откуда следует ждать опасность, ведут к повышенной внушаемости. В переходную эпоху люди, как никогда, нуждаются в человеке, который им поможет. С таким человеком они хотят составлять единое "мы". "Его драма" становится "их драмой".

Неопределенность можно устранить, либо, сняв напряжение, как это делал Месмер, либо, доведя его до предела, как это делали политические вожди. Когда парижане пошли за политиками, потребность в Месмере отпала.

Месмер был далеко не единственный целитель ХУШ века, использовавший внушение и театральное действие для лечения. Католический священник немец Иоганн Йозеф Гасснер (1727-1779) также весьма в этом преуспел. Он был тяжело больным человеком - его мучили сильнейшие головные боли, астма и резь в желудке. Врачи не могли ему помочь. Ему оставалось только молиться. Во время молитв он впадал в религиозный экстаз. Молитвами Гасснер добился того, чего не могли сделать врачи -- ему стало легче. Тогда он решил, что нашел способ избавить человечество от всех недугов.

Гасснер не собирался отбивать хлеб у врачей. Он брался за дело лишь в том случае, когда считал, что недуг вызван вмешательством дьявола. Во время своего пребывания в монастыре Салем Гасснер за 7 недель вылечил 20 тысяч больных. О своем методе новоявленный целитель написал небольшое руководство, которое с увлечением читала вся Германия. За четыре года эта книжечка выдержала 12 изданий. Она стала слишком популярной, вызвала брожение умов обществе, и папа Пий VI решил ее запретить.

В период споров о том, в чем суть метода Гасснера, власти обращались за разъяснениями ко многим специалистам. Попросили отзыв и у Месмера. Тот заявил, что все, что делает Гасснер, не обман, но и не чудо. Речь идет лишь об определенном методе снятия болезненных состояний. 28 ноября 1775 г. заслуги Месмера в медицине были оценены не в пример деятельности Гасснера. Месмер стал членом Баварской Академии наук.

Как примириться с самим собой

Драматург, режиссер и теоретик театр Николай Николаевич [Евреинов](#) (1879 - 1953) в начале XX века был не менее известен и ценим, чем Станиславский и Мейерхольд. Он происходил из старого дворянского рода. Отец его, инженер, занимал высокое положение в министерстве путей сообщения. Он учился в Петербургской консерватории у Н.А.Римского-Корсакова и служил в том же министерстве, что и его отец, а затем целиком отдался театру.

Евреинов написал и поставил много пьес. Одна из них "Самое главное" привела в восторг крупнейшего драматурга XX века Нобелевского лауреата Луиджи Пиранделло, который поставил ее в собственном театре в Риме. Ни одна пьеса, написанная на русском языке в XX веке (за исключением, конечно, чеховских "Трех сестер" и "Вишневого сада"), не имела такого всемирного успеха, как "Самое главное".

Среди поклонников таланта Евреинова были Карел Чапек и Жюль Ромэн. Крупнейший австрийский драматург Франц Теодор Чокор (1885 - 1969) написал книгу о Евреинове уже в 1920 г. В 1924 г. монография о Евреинове вышла в Варшаве.

Евреинов стремился уничтожить грань, отделяющую сцену от зрительного

зала. Не в том смысле, чтобы сделать театральное представление более похожим на жизнь, а в том, чтобы сделать жизнь более праздничной и похожей на театральный спектакль.

Есть актеры, которым привычно изображать на сцене "других", т.е. людей далеких им по характеру. Есть актеры, которым более по душе представлять на сцене самих себя. У них хорошо получается показ того, как бы они вели себя в различных обстоятельствах. Однако существует еще одна возможность: сыграть сцену из своей собственной жизни.

Возобновить то, что уже было.

В том, что все происходит так, как полагал Евреинов, и катарсис действительно освобождает человека от его страстей, можно сомневаться.

Вряд ли вообще в этом случае происходит какой-то катарсис. Важно другое. Евреинов искал путь человека к самому себе. Человеку свойственно от себя убежать, опасаться встреч с собой. Здесь же речь идет о попытке примирения с самим собой, а значит и устранению внутренних конфликтов, которые вызывают тревогу и разрушают человеческую психику.

Игра и жизнь

Eh, far parer vero quello che non è; senza bisogno, signore: per giuoco...

Luigi Pirandello

Придавать подобие правды тому, что не является правдой, без всякой нужды, ради игры...

Луиджи Пиранделло

Известный нидерландский историк культуры Йохан Хёйзинга (1872--1945) писал как о чем-то само собой разумеющемся о том, что игра -- это, прежде всего, свободная деятельность. Представление, что в игре выражается стремление человека к свободе, возникает от того, что игра отличается от всего, что человек делает, отсутствием в ней ясно выраженной цели. Мы принимаем лекарство, чтобы вылечиться. Мы берем бумажник, чтобы достать деньги. Но зачем человек, оставшись один в комнате, играет на гитаре или скрипке? Игра -- самоцель. Речь, разумеется, не идет о профессиональных спортсменах или артистах.

Но вот что странно. Ребенку часто дается полная свобода действий. Пусть занимается чем угодно, лишь бы не докучал взрослым. Как же распоряжается ребенок предоставленными ему возможностями? Он играет. То есть сам накладывает строгие ограничения на свое поведение. Если он играет не один, то тщательно следит за тем, чтобы его партнеры соблюдали правила игры. Нарушение правил нередко воспринимается как обида и даже может привести к психической травме. Казалось бы, правила можно изменить, если они мешают. Свободный человек так и поступил бы. Играющий ребенок не свободен. Настоящая свобода ему не нужна. Он от

нее убежал. Оставил ее в обыденной жизни. Он из правил построил себе стену, за которой прячется от всего, что ему досаждаёт.

Шекспировский Гамлет поражается страсти, с которой актер перевоплощается в персонаж, до которого ему, в сущности, нет никакого дела, и спрашивает, как бы он себя вел, если бы его поступки вызывались не сочиненными, а подлинными чувствами. Гамлет предполагает, что тогда бы актер всех потряс. Скорее всего принц ошибался. Актер может быть очень темпераментен на сцене, но вял и бесцветен в жизни. Он готов свернуть горы ради вымышленной Гекубы, но пасует перед малейшими затруднениями, если они возникают не в спектакле. Театральные страсти -- не жизненные, они не обременяют, а облегчают существование.

Жизнь -- это процесс самоосуществления человека. Но именно необходимость делать выбор часто доставляет человеку наибольшее беспокойство. Он боится неисполнения своих желаний и не решается действовать ради их достижения в мире, в котором его на каждом шагу подстерегают неприятные сюрпризы. Он опасается потерять устойчивое положение, стать игрушкой в чужих руках и исполнителем чужой воли. Игра с ее иллюзорной свободой и железными правилами сужает мир до кукольного и помогает выдержать то, что выдающийся немецкий психиатр Виктор фон Гебзаттель (1883--1976) называл переживанием "чудовищной потерянности человека в мире".

Многие алхимики пытались найти способ получения золота. Никто из них так и не добился успеха. Чудодейственного эликсира долголетия они тоже не получили. Но из этого не следует, что они впустую тратили время. Кто знает, скольких людей тщетные попытки превратить неблагородные металлы в золото спасли от душевных и физических недугов? В каждом человеке живет донкихот, которого сражения с ветряными мельницами ограждают не только от чрезмерной тоски, но и от подагры. В 1973 г. бразильский этнолог Дари Рибейро описал то, что произошло с индейцами жившего в бассейне Амазонки племени урубубу, принадлежащего к языковой группе тупи. Они были очень воинственны. В 1928 году правительство наложило запрет на уничтожение ими друг друга. Индейцы вынуждены были прекратить резню, но смертность среди них начала расти. Две трети членов племени умерли от эпидемий гриппа и скарлатины. Видимо, война и магия были ритуалами ("своей драмой"), служившими им защитным средством от тревоги.

В пьесе Артура Шницлера "Парацельс" великий врач Средневековья говорит:

Я вас могу от мук освободить

Не зная даже, что их вызывает.

Шницлер хорошо знал то, о чем писал. Он получил медицинское образование и дружил с Фрейдом. Парацельс часто лечил, не вникая в

подробности. Да и Месмеру с его коллективной терапией было не до того, чтобы разбираться в деталях заболеваний. Игровая психотерапия и сегодня обладает, в большинстве случаев, неспецифическим действием. Ведь до сих пор трудно установить точную связь между определенным соматическим заболеванием и особенностями психики и поведения. Символический язык тела нам пока еще недоступен и, следовательно, болезнь -- это сообщение, которое мы, как правило, не способны расшифровать.

Ни Парацельс, ни Месмер не говорили о своих методах лечения как об игре, но они создавали ритуалы интуитивно. Флюиды, магниты, пассы были такой же бутафорией в спектаклях, в которых предлагалось сыграть пациенту, как кушетка в психоанализе. Истерики Парацельс и Месмер жаждали признания, но исцеление больного было для них целью, а не средством.

Мы живем в обществе, ориентированном на успех. Тон в нем задают люди активные и целеустремленные, не привыкшие тратить зря силы и время. Все ради чего-то. Человека со всех сторон зовут участвовать в различных "спектаклях", но это все зрелища, которые не могут стать "его драмой" и потому они не лечат, но часто ранят психику. Исцеляющий театр доступен каждому. Он там, где единое "мы" возникает как самоцель, где люди, объединяются, просто так, ради игры или потому, что вспоминают, что они люди.

Е.Гольцман Исцеляющий театр. "Наука и жизнь" 2001, №11, с.86-92.

E-Mail: glz8145@mail.ru

© Copyright 2000, 2001, Е.Гольцман

© Copyright 2000, 2001, E.Goltsman

www.goltsman.de

[Исцеляющий театр](#)

[ПСИХОТЕРАПИЯ](#)